

образу? Скорее всего ответ нужно искать в его символическом значении. Например в Китае сосна – символ долголетия и постоянства, поскольку даже в зимний холод она не теряет своих иголок. В иконографии сосна – символ жизненной силы, а также непоколебимости, проявленной за время долгой жизни. Так содержание пейзажных стихотворений соотнесено с мироощущением и философией самого автора.

Мысль о противопоставлении жизни и смерти, звучащая в пейзажной лирике, в частности в стихотворении «Сосны срубленные», намечает размышления поэта о силе человеческой природы. Секрет стойкости В. Шаламов видит не только в индивидуальных особенностях личности, но и в менталитете русского человека. В этом смысле не случайно его обращение к исторической теме: «В русской истории наибольшую твердость, наибольший героизм показали старообрядцы и раскольники.

Вот о них-то и написана «Боярыня Морозова», о них-то и написано «Утро стрелецкой казни», и моя маленькая поэма «Аввакум в Пустозерске» [8, с. 269].

Комментируя поэму «Аввакум в Пустозерске», В. Шаламов подчеркивает: «Формула Аввакума здесь отличается от канонической. <...> исторический образ соединен с пейзажем, и с особенностями авторской биографии». Образ Аввакума дается не в традиционном церковном контексте. Обращение к истории в данном случае – один из вариантов приобщения к «вечности», способ противостоять лагерному распаду.

Анализ основных тем «лагерной поэзии» В. Шаламова, дает возможность рассматривать лирику поэта не только как философское осмысление тоталитарной системы в целом и лагеря как ее части, но и продолжением традиций классической поэзии.

Библиографический список

1. Гаген-Торн Н. Из книги воспоминаний // Огонек. – 1989. – №49. – С. 10–14.
2. БАМЛag в контексте истории и литературы: из фондов дальневосточных библиотек. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2000. – 231 с.
3. Бердяев Н.А. Смысл творчества // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры, искусства: В 2 т. Т. 1. – М.: Искусство, 1994. – 510 с.
4. Гаген-Торн Н.И. Мемория / Сост., предисл., послесл. и примеч. Г.Ю. Гаген-Торн. – М.: Возвращение, 1994. – 415 с.
5. Корман Б.О. К методике анализа слова и сюжета в лирическом стихотворении // Вопросы сюжетосложения. Сб. ст. – Рига, 1978. – С. 22–28.
6. Поэзия узников ГУЛАГа: Антология / Сост. С.С. Виленский. – М.: МФД: Материк, 2005. – 992 с.
7. Франки В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1980. – 300 с.
8. Шаламов В.Т. Колымские тетради. Стихи 1937–1956 гг. Комментарии. – М.: Версты, 1994. – 287 с.
9. Шаламов В.Т. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3: Стихотворения. – М., 2005. – 512 с.
10. Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...» Система пейзажных образов в русской поэзии. – М.: Высшая школа, 1990. – 302 с.

Н.А. Кладова

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ О Н.А. НЕКРАСОВЕ В АСПЕКТЕ ВОПРОСА О БУДУЩЕМ РОССИИ

В настоящей статье предпринята попытка раскрыть особенности взгляда Ф.М. Достоевского на будущее России, взгляда, который выкристаллизовывался на страницах «Дневника писателя» в эпоху бурной деятельности революционных народников, страстной веры в торжество нового социального строя – и «в разрез» с этой верой. Однако, высказывая свою позицию, Достоевский нередко вспоминает поэта революционного, демократического лагеря – Н.А. Некрасова.

В «Братьях Карамазовых» Алеша сказал об Иване: «Он из тех, которым не надобно миллионов, а надобно мысль разрешить» [1, т. 14, с. 76]. В XIX веке «мысль разрешала», казалось, вся Россия; русское интеллигентное общество мучилось «проклятыми вопросами», главным из которых был, наверное, воп-

рос о будущем России. Этот вопрос всегда имел два аспекта: судьба народа, условия его жизни и деятельность интеллигенции, цель и смысл этой деятельности. Особую актуальность оба аспекта приобрели в 70-е годы – время господства народнической идеологии. Психологические и идейные основы народничества, пишет

автор основательного труда «История русской интеллигенции» Д.Н. Овсяннико-Куликовский, «создавались идеализацией и культом народа, чувством ответственности перед ним, сознанием неоплаченного «долга» народу <...>. Культ народа питался и поэзией Некрасова, и проповедью Герцена, и новою народническою литературою (Решетников, Левитов, Глеб Успенский), и идеями славянофилов и почвенников, и публицистикою передовых журналов» [2, т. 8, с. 45]. Но здесь нельзя не сказать отдельно о позиции Ф.М. Достоевского. Он имел свое, совершенно определенное видение русского народа; за этим видением давно закрепилось название «почвенничества». Однако находил подтверждение своей позиции писатель в жизни и творчестве поэта противоположного демократического направления — Н.А. Некрасова.

Вернемся к народнической идеологии: в рамках данной темы нас интересует два момента в ней.

Это, *во-первых*, навязчивая мысль интеллигентов о «колоссальном долге перед народом, веками накопленном, и моральное требование *расплаты*» [2, т. 9, с. 156]. «Отречение от семьи, от благ, которыми пользуется избранное общество, воспринималось ими как единственный в русских условиях путь человека с чуткой совестью, с живым чувством моральной ответственности» [3, с. 610]. Однако идеологи крайнего народничества 80-х гг. доведут идею долга до «логического конца»: «интеллигенция, чтобы уплатить хоть часть своего долга народу, должна отказаться от всего, что не нужно народу, — от высших умственных интересов, от науки, философии, искусства, даже от идеи политической свободы и т.д.» [2, т. 9, с. 156]. Настораживает не сама идея долга, а убежденность в том, что это долг только и исключительно перед народом (ниже мы поясним эту мысль).

Во-вторых, революционные народники создали особый идеализированный образ мужика — с акцентом на общинности русского человека. Интеллигенция шла в деревню с пропагандой социалистического идеала (для этого такой образ мужика оказывался очень «удобным»), считалось, что крестьянская община и есть прообраз социалистического устройства жизни. А «все отрицательные стороны народной жизни должны быть признаны явлением наносным», они «не захватывают ее глубин, <...> если разлагаются устои народного быта, то это происходит в силу пагубных влияний города, цивилизации и т.д., и т.д.» [2, т. 8, с. 138].

В русской общине видел будущее еще И.А. Герцен. П.Л. Лавров не раз говорил о том, что интеллигенция призвана руководить массами в борьбе за социалистическое преобразование общества. Н.К. Михайловский идеализировал крестьянский земледельческий труд, который будто бы развивает всестороннюю гармоническую личность. Тайные общества «Великорусс», «Земля и воля» готовили крестьянскую революцию для установления социалистического строя. А члены кружка «чайковцев» переселились в Америку, мечтая «сесть на землю», образовать идеальную земледельческую общину.

Но ведь «никакой новый социальный строй не приведет к новому человеку» [4, с. 662] — истина в работах русских мыслителей прописная. Закономерно наступило разочарование, после чего, в 80-е годы, русское передовое общество оказалось предрасположенным прислушиваться к проповедям моралистов, в особенности к учению о «самосовершенствовании», об искании «истины» внутри себя, о чем так горячо говорил и писал Достоевский [2, т. 9, с. 129]. Однако Д.Н. Овсяннико-Куликовский, из труда которого взята характеристика 80-х гг. Достоевского рассматривает в народническом идеологическом ракурсе: «Достоевский был убежденным народником, доходивший до обожания народа, до крайней идеализации его» [2, т. 8, с. 204]. «Интеллигенция, по его воззрению, должна не только служить народу, просвещать его, защищать его интересы и т.д., но и разделять его понятия, усвоить его предполагаемые исторические идеалы и прежде всего его религию» [2, т. 8, с. 208]. Данные формулировки, полагаем, не совсем корректны. Не *его*, а *нашу*, *общую*, *русскую* религию, *наши*, *русские* идеалы!

Вспомним два положения, которые мы выделили в народнической концепции.

Во-первых, этика долга, жертвенности, болью о народе — все это не могло не привлекать Достоевского. Ведь и в Некрасове еще в 45-м, во время их первого сближения, писателя поразило «раненое сердце» поэта: «это было раненое сердце, раз на всю жизнь, и незакрывавшаяся рана эта и была источником всей его поэзии, всей страстной до мучения любви этого человека ко всему, что страдает от насилия, от жестокости необузданной воли, что гнетет нашу русскую женщину, нашего ребенка в русской семье, нашего простолюдина в горькой, так часто, доле его» [1, т. 26, с. 112]. Эта боль о народе оказалась невидимой

связующей нитью между двумя писателями; она не порвалась даже в моменты острой борьбы двух общественных «лагерей» – революционеров-демократов и почвенников. Некрасов всегда вспоминал о Достоевском как о друге народном. Так, в «Дневнике писателя» Достоевского читаем: «Однажды в шестьдесят третьем, кажется, году, отдавая мне томик своих стихов, он указал мне на одно стихотворение, «Несчастные», и внушительно сказал: “Я тут об вас думал, когда писал это” (то есть об моей жизни в Сибири), “это об вас написано”» [1, т. 26, с. 112]. «Несчастные» – поэма о каторжниках и о народном друге и заступнике Кроте. Ю.В. Лебедев убедительно доказал, что «замысел поэмы «Несчастные» возник у Н.А. Некрасова <...> в 1855 году, когда Ф.М. Достоевский напомнил о своем существовании после долгих лет вынужденного молчания на каторге. Толчком к возникновению замысла могло послужить прямое или косвенное знакомство с письмом Ф.М. Достоевского к брату Михаилу от 22 февраля 1854 года из Омска» [5, с. 95–96]. Поэтому, создавая образ Крота, Некрасов, несомненно, вкладывал в этот образ что-то от духовного облика Достоевского. Еще пример. В стихотворении «Молебен» были строки: «Об осужденных в изгнание вечное, / О заточенных в тюрьму», изначально изъятые цензурой. Но Некрасов восстановил их перед самой своей смертью в экземпляре, подаренном Достоевскому (прошедшему каторгу и ссылку), и указал ему на них. Для Достоевского тоже мысль о Некрасове была неразрывно связана с мыслью о народе. Творческий и жизненный путь Некрасова для великого романиста был путем приобщения интеллигента к народной святыне, интеллигента, выполнившего свой долг. Но долг не совсем в народническом представлении. В понимании долга Достоевский смещает акцент. «Полюбить, то есть пожалеть народ за его нужды, бедность, страдания, может и всякий барин, особенно из гуманных и европейски просвещенных. Но народу *надо*, чтоб его не за одни страдания его любили, а чтоб полюбили и *его самого*. Что же значит *полюбить его самого*? «А полюби ты то, что я люблю, почти ты то, что я чту» – вот что это значит» [1, т. 26, с. 115]. Сделал это Пушкин, признав в народе правду. По этому пути шел и Некрасов, утверждает Достоевский. Долг интеллигенции – идя к народу, не только облегчить участь крестьянства, но и изжить из себя «общечеловека». Достоевский

поясняет свое определение. Общечеловек – это представитель русской интеллигенции, которая «вот уж двадцать лет ежегодно экспатрируется» за границу и там колонизируется; это «превращение чисто-русского, сырого и превосходного, может быть, материала в жалкую международную дрянь, обезличенную, без характера, без народности и без отечества» [1, т. 25, с. 136]. Эта «международная дрянь» – плод петровских реформ, обозначивших глубокий разрыв интеллигенции с народом, в чем Достоевский видел главную беду современной России. А потому, рассуждает писатель, «мы должны склониться, как блудные дети, двести лет не бывшие дома, но воротившиеся, однако же, все-таки русскими. <...> Но, с другой стороны, преклониться мы должны под одним лишь условием, и это *sine qua non*: чтоб народ и от нас принял многое из того, что мы принесли с собой» [1, т. 22, с. 44–45]. А именно – расширение взгляда. «Допетровская Россия <...> выработала себе единство и готовилась закрепить свои окраины; про себя же понимала, что несет внутри себя драгоценность, которой нет нигде больше, – Православие, что она – хранительница <...> настоящего Христова образа, затемнившегося во всех других верах и во всех других народах. <...> Таким образом, древняя Россия в замкнутости своей *готовилась быть неправой*» [1, т. 23, с. 16]. Это расширение взгляда, которое явила наша «международная дрянь», очень важно для идеи Достоевского о всемирной миссии России, о служении нашего Православия всему человечеству. Но «общечеловеки» просмотрели народ сквозь пальцы и не увидели, что источник и начало всемирного служения России – в русской душе. В общечеловечности в 1873 г. обвинит Достоевский и Некрасова (в главе «Влас», в «Дневнике писателя»). Но после смерти Некрасова великий писатель пересмотрит свой взгляд на поэта: «Мне дорого, очень дорого, что он (Некрасов. – *Н.К.*) «печальник народного горя» и что он так много и страстно говорил о горе народном, но еще дороже для меня в нем то, что в великие, мучительные и восторженные моменты своей жизни он, несмотря на все противоположные влияния и даже на собственные убеждения свои, преклонялся пред народной правдой всем существом своим, о чем и засвидетельствовал в своих лучших созданиях» [1, т. 26, с. 117].

Обобщим: долг, который чувствовал (или должен чувствовать) интеллигент, есть долг не толь-

ко перед народом, живущим в нищете, погрязшим в предрассудках и суевериях, но перед *самим собой*. Долг – не обеспечить материальное благополучие народу, а вернуться духовно к своим национальным корням, подорванным петровскими преобразованиями. Народный мир – мир, где хранятся духовные ценности, завещанные нам вековой христианской культурой. Этот мир и стал поэтическим открытием Некрасова. Достоевский не был одинок в этой своей мысли. «Он любил страдать горем и страданиями русского народа» [6, с. 210], – сказал в своем Слове, произнесенном при гробе Некрасова, священник Михаил Горчаков, у которого Достоевский и «позаимствовал» определение поэта как «печальника горя народного» (у Горчакова – «печальник русской земли»). В соединении личного и народного рождалась «вера и надежда». «Изливаясь терзаниями страдальческой души, – продолжает М. Горчаков, – песня покойного переливается в могучие звуки несокрушимо сильной русской народной надежды и веры и будит в душе страдальца нравственные силы, бодрость, стойкость, терпение, прощение, любовь, надежду и веру в истину, правду и добро» [6, с. 210]. С.Н. Булгаков в одной из своих статей, цитируя бессмертные строки из поэмы «Тишина», заключает: «Вот слияние интеллигенции с народом, полное и глубже которого нет» [7, с. 214]. Не об этом ли слиянии мечтал Достоевский, мечтала вся мыслящая Россия! Вот долг интеллигента – в слиянии с народом обрести духовную опору в русской вере, в русской нравственности, в христианских заветах любви и прощения.

Во-вторых, вряд ли приходится говорить о радикальной идеализации народа Достоевским и о незнании писателем другой, темной, стороны народного бытия. О «последних мерзавцах» в народе (которые, однако, сознают свою мерзость) не раз упоминал Достоевский. В Мертвом доме он увидел самое «дно» народной жизни. И – не отвернулся, а, разглядев, увидел светлый образ Христа, которого носит в своей душе русский человек. Не случайно так ценил Достоевский некрасовское стихотворение «Влас». И в первую очередь за то, что Влас – образ-символ русского народа, который умеет страдать и в страдании очиститься (что настойчиво писатель разъясняет в главе «Влас»). Но есть и другая мысль у Некрасова. Ведь в стихотворении весь русский народ объединяется для святого дела:

И дают, дают прохожие...
Так из лепты трудовой
Вырастают храмы Божии
По лицу земли родной [8, т. 1, с. 154].

Как заметил А.П. Власкин, в «Братьях Карамазовых» «такой «Церкви» жаждут и ее обретают в прямом контакте с живым хранителем Божеской правды богомольцы, когда стекаются «со всей России» под благословение старца Зосимы» [9, с. 278]. Относительно этой идеи Некрасов после «Власа» сделает еще один шаг. Одинокое странствие Власа в позднем творчестве поэта меняется на шествие всего народного мира к храму накануне Христова воскресения. В стихотворении «Накануне светлого праздника», когда народная толпа идет домой с работ, лирический герой на каждого также смотрит отдельно, замечая еще и отличительные черты красильщика, портного, кузнеца; но когда толпа идет к храму, он не видит ни красильщика, ни портного, ни кузнеца. Все вместе, все слились в целое, все объединились в устремленности к Богу:

У Божьего храма
Сходились тропы, –

Народная масса
Сдвигалась, росла,
Чудесная, дети,
Картина была!.. [8, т. 3, с. 115–116]

И это шествие всего народного мира к храму есть некая абсолютная истина, открывшаяся лирическому герою. Обратим внимание на фразу:

Ни озера, дети,
Забить не могу,
Ни церкви на самом
Его берегу:

Тут чудо-картину
Я видел тогда!
Ее *вспоминаю*
Охотно *всегда*...

[8, т. 3, с. 113] (курсив мой. – Н.К.)

А несколько позже Некрасов напишет стихотворение «Молебен», в котором одна строка со звучна только что приведенным:

В церкви провел я то утро ненастное –
И не забуду о нем

[8, т. 3, с. 181] (курсив мой. – Н.К.)

Эпизод, однажды увиденный, лишь миг прошлого – миг единения русского народа во Христе – остается в памяти навсегда. Произошло осознание высшего смысла этого единения, соприкосновение с высшей благодатью. И это уже не

забывается. Лирическому герою открылась истина в ее абсолютном содержании, истина на все времена, истина русского народа, живущего по евангельским заветам.

Да, русский народ темен и невежественен – от этого не уйдешь (впрочем, Достоевский и Некрасов этого не отрицали). Но народная душа всегда стремится к храму, к свету Христову – от этого тоже не уйдешь.

В церкви провел я то утро ненастное –
И не забуду о нем.

Это не забывается, а потому невозможно это отрицать.

«Судите русский народ, – обращается Достоевский ко всем «общечеловекам», – не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно воздыхает. А ведь не все же и в народе – мерзавцы, есть прямо святые, да еще какие: сами светят и всем нам путь освещают! <...> Идеалы его сильны и святы, и они-то и спасли его в века мучений» [1, т. 22, с. 43]. «Лишь народ и духовная сила его грядущая обратит отгоргнувших от родной земли атеистов наших» [1, т. 14, с. 267], – высказывал заветную мысль Достоевского старец Зосима.

Народников привлекала общинность, открытость другим как коренная черта русского народа, на основе чего строилась утопия о коллективных формах земледельческого труда, об общинном хозяйстве (вспомним хотя бы работу Г. Успенского «Крестьянин и крестьянский труд»). Достоевский же общинность мыслил, скорее, как способность со-единиться во Христе. Революционеры-демократы 60-х, народники 70-х мечтали об установлении справедливого социального строя. Достоевский искал духовную основу единения и беспокоился о сохранении духовных ценностей в России (которые бы противостояли стремительно шагающему по всей стране капитализму). И эти ценности открылись ему в поэзии Некрасова.

Весь вопрос о слиянии интеллигенции и народа Достоевский переводит в духовную плоскость. «Если б и все роздали, <...>, свое имение «бедным», то разделенные на всех, все богатства богатых мира сего были бы лишь каплей в море. А потому надобно заботиться больше о свете, о науке и о усилении любви. Тогда богатство будет расти в самом деле, и богатство настоящее, потому что оно не в золотых платьях заключается, а в радости общего соединения и в твердой

надежде каждого на всеобщую помощь в несчастье, ему и детям его» [1, т. 25, с. 61]. А доказывая свою правоту, Достоевский не может не вспомнить Некрасова. В «Дневнике» за 1877 г., откуда и взята приведенная выше цитата, под заголовком «Русское решение вопроса» писатель снова обращается к некрасовскому Власу. «Скажут, что это фантазия, что это «русское решение вопроса» – есть «царство небесное» и возможно разве лишь в царстве небесном. <...> Но надобно взять уже то одно, что в этой фантазии «русского решения вопроса» несравненно менее фантастического и несравненно более вероятного, чем в европейском решении. Таких людей, то есть «Власов», мы уже видели и видим у нас во всех сословиях, и даже довольно часто; тамошнего же «будущего человека» мы еще нигде не видели, и сам он обещал прийти, перейдя лишь реки крови» [1, т. 25, с. 63].

Иди к униженным,
Иди к обиженным –
И будь им друг [8, т. 5, с. 229].

Не только для того, чтобы улучшить жизнь народа, но и для того, чтобы восстановить порванные связи – не просто с народом, но со своими историческими корнями, прошлым, т.е. с самим собой.

Народники разочаровались в идеале. Достоевский не уставал повторять: мы должны сохранить идеальное русской души, свет Христа, горящий в душе Власа. И это обращение великого писателя XIX века «не обесценилось» в современную эпоху высоких технологий. Напротив, цена этого знания о русском человеке только возрастает. «Русское решение вопроса» – утопия? Может быть. Но Достоевский верил в такое будущее России, верил во Власа, душа которого всегда стремиться к свету горнему и высшему. Мы не вправе забыть его веру. Без этой веры нет России.

Библиографический список

1. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990.
2. *Овсянко-Куликовский Д.Н.* Собрание сочинений. Т. 8. Т. 9. История русской интеллигенции. – СПб.: Изд-во тов-ва «Общественная польза» и книгоизд-во «Прометей», 1911.
3. История русской литературы в 4-х тт. Т. 3. Расцвет реализма / Ред. Ф.Я. Прийма, Н.И. Пруцков. – Л.: Наука, 1982. – 876 с.

4. Бердяев Н.А. Дух и реальность / Вступ. ст. и сост. В.Н. Калюжного. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2003. – 679 с.

5. Лебедев Ю.В. Некрасов и Достоевский в 60-е годы (эпизод из творческих взаимосвязей) // Некрасов и его время: Межвуз. сб. статей. – Калининград, 1975. – Вып. 1. – С. 95–98.

6. Мостовская Н.Н. Как отпевали русских писателей // Христианство и русская литература. Сб. второй / Отв. ред. В.А. Котельников. – СПб.: Наука, 1996. – С. 202–215.

7. Булгаков С.Н., проф. О противоречивости

современного безрелигиозного мировоззрения // История религии / А. Ельчанинов, В. Эрн, П. Флоренский, С. Булгаков. – М.: Центр «Руник», 1991. Репринтное воспроизведение издания 1909 г. – С. 212–245.

8. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. – Л.: Наука, 1981–2001.

9. Власкин А.П. Народная религиозная культура в творчестве Ф.М. Достоевского // Христианство и русская литература. Сб. второй. / Отв. ред. В.А. Котельников. – СПб.: Наука, 1996. – С. 220–289.

Е.А. Колобова

К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗНОСТИ КОНТАМИНИРОВАННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Современная фразеологическая наука большое внимание уделяет проблеме исследования структуры фразеологического значения. Образность является одним из важных компонентов семантической структуры фразеологизма. В статье рассматриваются особенности трансформации образных оснований языковых фразеологических единиц, вступающих в объединительный процесс.

Одним из важных вопросов современной фразеологической науки является вопрос об образности фразеологической единицы. В научной литературе существуют различные трактовки понятия «образность». Традиционно под образностью понимается «способность языковых единиц создавать наглядно-чувственные представления о предметах и явлениях действительности» [6, с. 157].

С понятием образности фразеологизмов связано понятие фразеологического образа, под которым понимается «предметно-чувственное отражение в сознании человека номинируемого объекта в форме образов, картин и фреймов, возникающих у коммуникантов [1, с. 54].

Образное основание фразеологизма представлено в виде «живого образа», изобразительного, когда коммуникант представляет определенную картинку (фрейм) или картинку в движении (сценарий). Фразеологизм *вкушать плоды* ('пользоваться результатами совершенного, сделанного' [11, с. 71]) обладает прозрачной образностью. В сознании носителей языка возникает образ человека, вкушающего (поедающего) какой-либо фрукт. Результаты труда здесь ассоциируются с плодами, т.к., прежде чем попробовать плод, необходимо приложить большие усилия к тому, чтобы его вырастить. Представление ком-

муниканта о человеке, пользующемся результатами сделанного труда, как если бы этот человек приложил максимум усилий для выращивания плодов, может быть воспринято как картинка в движении (сценарий).

Образное основание может быть не только визуальным, но и звуковым, чувственным [подробнее см.: 9, с. 189–190]. Ср.: Фразеологизм *тише воды ниже травы* ('робкий, скромный, незаметный' [11, с. 476]) обладает прозрачной образностью. В сознании носителей языка возникает визуальный образ стоячей воды и низкой травы, который дополняется слуховым восприятием: коммуникант «слышит» тишину, безмолвие. Или: Фразеологическая единица *дух захватывает* ('трудно дышать от избытка чувств, сильных переживаний' [11, с. 171]) не обладает прозрачной образностью. Однако носители языка вспоминают ощущение, состояние, при котором становится трудно дышать.

По линии дихотомии язык – речь можно выделить два типа образности: языковую (закрепленную за системной языковой единицей) и речевую (созданную лишь на основе контекста). Узуальный образ типичен, общеупотребителен, воспринимается одинаково носителями языка [8, с. 84–86]. При окказиональных трансформациях происходит «оживление образов, или создание